

**АСТРАХАНЬ В НАУЧНЫХ И ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
КАСПИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В XVIII ВЕКЕ**

Кулаков Владимир Олегович, кандидат исторических наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Кулакова Наталия Игоревна, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Статья посвящена анализу малоизвестных фактов первых научно-исследовательских экспедиций России в Каспийском море с точки зрения той роли, которую в них играла Астрахань. Авторы выделяют основные причины, побуждавшие Россию к проведению таких мероприятий, и тщательно анализируют подготовку, ход и результаты важнейших исследований Каспийского моря в течение XVIII в. В результате выделяется чёткая взаимосвязь между политической стратегией Российского государства по расширению своего влияния в регионе Прикаспия и его научно-исследовательским изучением.

Ключевые слова: Астрахань, Прикаспий, государственная стратегия, научные исследования, экспедиции, политические интересы

**ASTRAKHAN IN SCIENTIFIC AND MILITARY STUDIES OF
CASPIAN COAST IN THE XVIII CENTURY**

Kulakov Vladimir O., Ph.D. (History)
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation

Kulakova Nataliya I., Ph.D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of little-known facts of the first scientific expeditions of Russia in the Caspian Sea in terms of the role Astrakhan played in them. The author outlines the main reasons that prompted Russia to hold such events and carefully analyzes the preparation, progress and results of the most important studies of the Caspian Sea during the 18th century. As a result, there is a clear relationship between the political strategy of the Russian state to expand its influence in the Caspian region and its research study.

Keywords: Astrakhan, Caspian region, state strategy, scientific research, expeditions, political interests

В рамках определения государственной стратегии России в Прикаспийском регионе, которая зримо стала проявляться в правление Петра I, важное место занимало исследование Каспийского моря, которое преследовало как научные, так и военные цели. В процессе достижения этих целей Астрахань выступала главным административным и организационным центром, где формировались и откуда осуществлялись исследовательские экспедиции. Серьёзной попыткой по всестороннему изучению побережья Каспийского моря стала экспедиция К. Вердена – Ф. Соймонова 1719–1720 гг., отправленная из Астрахани в рамках подготовки к Персидскому походу. На тот момент не существовало достоверных сведений ни об очертаниях береговой линии Каспия, ни о его течениях, и зачастую все данные основывались ещё на античных источниках. Результатом этой экспедиции стало составление первой относительно точной карты моря и его северной, западной и южной береговой полосы. Но российские учёные той эпохи ясно осознавали, что информация о Каспийском море, представленная исследованиями 1719–1720 гг., не является полной и точной. В свою очередь и непосредственно научные, и острейшие государственные интересы России побуждали к всеобщему изучению бассейна Каспийского моря.

Эта цель приняла тем более важную значимость после успешного завершения Персидского похода Петра I, результатом которого стало временное вхождение в состав России юго-западного побережья Каспия. В начале марта 1726 г., уже после смерти Петра, Адмиралтейств-коллегия, признавая недостаточную полноту карты, составленной К. Верденом, издала постановление о необходимости продолжения работы по исследованию и описанию Каспийского моря. Обязанность возглавить новую экспедиционную миссию на Каспий была снова возложена на Ф. Соймонова. В начале мая 1726 г. большая часть экспедиции во главе с руководителем вышла на двух судах (гекбот «Царицын» и шнява «Астрахань») из устья Волги, взяв курс на юго-восток, к Тюб-Караганскому мысу. В это же время штурман Далматов на небольшом боте был отправлен описать Эмбенский залив [2, с. 93].

Через несколько дней Соймонов добрался до острова Кулалы. Намереваясь осуществить его подробное описание, а также промерить глубины, он приказал бросить якорь у северной стороны острова. Однако ночью разразилась сильная буря, которая не позволила ему реализовать эту задачу. После целых суток борьбы со стихией, шторм, наконец, сменился хорошей погодой. Но корабль оказался довольно серьёзно повреждён и его перевели на гораздо более безопасную южную сторону острова, где находилась тихая бухта. После разгрузки судна, матросы занялись его ремонтом, и хотя некоторые офицеры предлагали отправить гекбот обратно в Астрахань, Соймонов посчитал его способным к продолжению плавания. Вследствие нехватки времени из-за указанных выше обстоятельств Соймонову не удалось сделать подробное описание всего острова, но его южная оконечность, направленная к тюб-караганскому берегу, была изучена и нанесена на карту [2, с. 95].

Покинув остров Кулалы, члены экспедиции отправились далее на юг, вдоль восточного побережья Каспия и, не останавливаясь, прошли Тюб-Караган и Александр-Бай. В этих местах были осуществлены только замеры глубин и определение различных пунктов, причём на данном участке получилось значительно исправить карту 1720 г., в которой «почти каждое место положено целым градусом далее к северу, нежели быть надлежит...» [5, с. 20]. Вскоре после этого корабли миссии достигли залива Кара-Богаз-Гол. Изучение этого залива являло собой особенный интерес. До этого времени ни одно русское судно не проникало ещё сюда, и даже туркменские рыбацкие баркасы не часто решались заходить в его неизвестные воды. Соймонов также счёл благоразумным не входить в Кара-Богаз, так как резкие повышения и понижения глубин привели его к мысли о возможном наличии большого количества подводных камней [5, с. 21].

Зафиксировав вход в залив, Соймонов продолжал плавание к югу. Руководствуясь полученной инструкцией, экспедиция не стала описывать Красноводский залив: Соймонов полагал, что этот залив уже обследован Бековичем-Черкасским, Кожиным и Урусовым. Зайдя на остров Огурчинский, корабли пошли к Астрабаду. Астрабадский залив был подробно описан, после чего Соймонов пошёл вдоль южного побережья Каспия от Астрабада до Баку, описал Апшеронский пролив с его островами и 6 ноября 1726 г. вернулся в Астрахань.

Таким образом, Соймонову впервые удалось в течение одного шестимесячного плавания обойти всю береговую линию Каспия, изучить многие, до тех пор совсем неисследованные места, уточнить и внести исправления в прежние астрономические определения некоторых мест (устье р. Урал, о. Кулалы, Тюб-Караган, мысы Песчаный и Камель, Красноводский залив и пр.) [1, с. 54]. После завершения своей миссии Ф. Соймонов тщательно обработал и систематизировал набранные им сведения. В 1731 г. Адмиралтейств-коллегия издала материалы его путевого журнала под названием «Описание Каспийского моря от устья реки Волга, от протока Ярковского до устья реки Астрабадской». Кроме этого описания в том же году вышел в свет атлас Соймонова, в котором были изображены общая карта Каспийского моря и несколько разных карт его западных и южных районов. Общая карта значительно

отличается от карты 1720 г. в лучшую сторону; береговая линия, расположение островов и заливов представлены на ней значительно точнее, чем на предыдущей. Но все же и здесь оставалось ещё достаточно серьезных пробелов, в основном они касались описания восточного побережья. Заливы Гассан-Кули, Кара-Богаз, Александр-Бай остались по-прежнему неисследованными, а Красноводский и Астрабадский заливы были описаны весьма неточно.

Это послужило причиной того, что изучение побережья Каспийского моря было продолжено, но уже во второй пол. XVIII в. Это говорит об осуществлении той политической линии закрепления российского присутствия на Каспии, которая была определена еще в первой половине века. Об этом свидетельствует то, что в 1764 г. по указу Екатерины II, была сформирована новая экспедиция в восточную, наименее исследованную часть Каспия. Ее руководителями были начальник Астраханского порта капитан Токмачёв и инженер-майор Ладыженский, а их помощниками – штурманы Панин и Матвеев. Состав команды, включавший в себя на этот раз местных астраханских исследователей, говорит о признании их компетентности в этом деле. Считалось, что более целесообразно формировать экспедиции из людей, долгое время проработавших и проживших непосредственно в районе исследования. Этой команде было поручено произвести подробную опись всего восточного побережья от его северной оконечности до иранской границы, а также выяснить возможность заселения этого берега и создания здесь русских укреплений.

31 мая 1764 года экспедиция вышла из устья Волги на двух галиотах, одном шкоуте и десятивесельной расшиве. Описав остров Кулалы, исследователи перешли к Мангышлаку. Сначала они рассчитывали заложить крепость именно здесь, но мелководье и скопление льдов, наносимых весной, заставили Ладыженского отказаться от этой мысли. На Мангышлаке экспедиция разделилась на два отряда. Часть её – на шкоуте и расшиве – во главе со штурманом Паниным направилась на север. Обследовав острова Песчаный, Колпичев, Мартышкин, штурман был вынужден из-за обнаруженных в шкоуте повреждений и недостатка провизии прервать работы и 11 сентября возвратился к устью Волги.

Токмачев, Ладыженский и штурман Матвеев на галиотах пошли на юг. Подробно описав Тюб-Караганский залив, они 1 июля миновали Александр-Бай, а через три дня подошли к заливу, огражденному косой и небольшим островом, который не был отмечен на картах 1720 и 1731 гг. На берегу русские моряки встретили группу рыбаков-туркмен и выяснили от них, что коса с островом называется Агыс-Ада, а култук (залив) носит имя Киндырли. На островке находилось множество тюленей и чаек, а самое главное: здесь была найдена пресная вода, которую обитатели восточного побережья Каспия привыкли ценить на вес золота. «Всего удивительнее, – записал Ладыженский, – что на сем острове, морской скверной водой окруженном, если вырыть в плавучем песке в широком конце одного острова ямку фута в 3, то выступит пресная вода, которая лучше всех тех вод, кои мы до сего места на восточном берегу Каспийского моря находили, а по уверению трухменцев и впереди лучше сей воды нигде сыскаться не может» [4, с. 43].

Таким образом, Токмачев и Ладыженский открыли новый, до тех пор неизвестный географам и мореплавателям залив на туркменском побережье. Важность этого открытия дополнялась ещё и тем, что залив представлял собой прекрасную природную гавань. В своем «Мнении», приложенном к первому журналу, Ладыженский писал, что эта естественная гавань отлично защищена от морских волн и одновременно имеет достаточную глубину, чтобы в неё могли заходить большие полностью гружёные суда [5, с. 23]. Это преимущество, а также то, что островок богат пресной водой, камнем и глиной окончательно убедило Ладыженского признать это место пригодным к основанию здесь крепости и к поселению здесь людей.

20 июля корабли экспедиции вошли в Красноводский залив и бросили якорь близ Красноводской косы. Они пробыли здесь шесть дней, осуществляя замеры глубины,

поиски пресной воды на берегу и ведя торговые переговоры с местными туркменами. Ладыженский старался отыскать остатки крепости, выстроенной ещё Бековичем-Черкасским, но от неё совсем ничего не осталось. Экспедиция на протяжении нескольких дней курсировала по Балханскому заливу, а затем пристала к островку Челекен, который на русских картах XVIII и XIX вв. имел название «Нефтяной остров». Высадившись на берег, Ладыженский произвёл осмотр нефтяных колодцев и, помимо этого, нашёл в этом месте источники горячей воды и месторождения жёлтой серы. 14 сентября экспедиция возвратилась в Астрахань. Её плавание, которое длилось около четырёх месяцев, было тяжёлым. Моряки сильно страдали от нездорового климата, недостатка свежей воды и продовольствия. На кораблях свирепствовала цинга; пятнадцать человек из состава команды не вернулись к родным берегам.

Но через год экспедиция вновь вышла в плавание на трех ботах («Орел», «Сокол» и «Кречет») и прежней десятивёсельной расшиве. Исследовательские работы, прерванные в прошлом году, были окончены. Панин довел описание северного участка берега до устья Урала, Токмачев с Матвеевым описали оставшуюся южную часть, включая Астрабадский залив [5, с. 25]. На основании материалов этой экспедиции капитан-лейтенант Ногаткин составил новую карту Каспийского моря, которая впоследствии была использована знаменитым русским гидрографом XVIII в. А.И. Нагаевым для его «генеральной карты» Каспия, изданной в 1796 г. уже после его смерти.

В 1781 г. по распоряжению Екатерины II была снаряжена и отправлена ещё одна Каспийская экспедиция. Но в отличие от своих предшественников она в первую очередь осуществляла политические поручения. В конце 70-х гг. XVIII в. англо-русские противоречия на Востоке значительно усилились. Россия, уже прочно закрепившаяся на Черном и Каспийском морях, всеми средствами пыталась обеспечить себе свободный путь дальше на Восток. Англия, которая после утраты американских колоний, переориентировала упор своей колониальной экспансии в Индию, старалась под видом защиты своих коммуникаций на Ближнем и Среднем Востоке поставить под личный военный и экономический контроль Иран, арабские страны, Турцию.

В свою очередь, в Иране в это время начались жестокие феодальные войны, он мог легко попасть под контроль англичан, которые, таким образом, получили бы выход к стратегически важному для России Каспийскому бассейну. Такое развитие событий было тем более реальным, что иранские территории на юго-западном и западном берегах Каспия, завоёванные Петром, были при Анне Ивановне снова возвращены Ирану. Поэтому ещё в 1778 г. Адмиралтейств-коллегия предписала построить в Казани военную эскадру, которая через два года по Волге была направлена в Астрахань и приготовлена к выходу в Каспийское море. Её командиром был назначен капитан 2-го ранга Марк Войнович. Ему поручалось найти на Каспийском море наиболее выгодное место для основания русской торговой базы в целях привлечения туда торговли, как из Индии, так и из других восточных стран.

Безусловно, этот проектируемый форпост должен был иметь не только торговое, но и военно-стратегическое значение. Об этом говорит хотя бы тот факт, что инструкция, полученная Войновичем, была строго секретной, и журнал экспедиции, подробно описывая все плавание, не упоминает о её главном предназначении. Автор журнала в предисловии к своему изданию, изданному семнадцать лет спустя, писал, что по политическим причинам руководство страны хотело тогда скрыть истинные задачи формирования экспедиции [3, с. 6].

Но, наряду с военно-политическими, Войнович получил и исключительно научно-исследовательские указания: ему предписывалось описывать все места, где он с флотилией будет находиться, делать физические и другие наблюдения, служащие пополнению сведений о Каспийском море. 29 июня эскадра Войновича, в состав которой входили три двадцатипушечных фрегата, один бомбардирный корабль и два палубных бота, отправилась к острову Огурчинскому. Там, в соответствии с инструкцией, предполагалось основание «торгового пристанища». Обмеление волж-

ской дельты и быстрое течение во всех её протоках задержало движение флотилии, которые лишь через пять дней достигли Четырёхбугорного острова.

Выдержав сильный шторм, который продолжался в течение нескольких дней, эскадра достигла острова Жилого вблизи Апшеронского мыса. Резко запахло нефтью, на поверхности воды появились большие масляные пятна. «Явление сие, – говорится в записи путевого журнала, – не иначе растолковано быть может, как тем, что плавающая она на поверхности моря нефть выходит из самородных ключей, на дне одного находящихся, и по легкости своей наверх выплывает, ибо, как весь бакинский берег изобилует такими ключами, то весьма вероятно, что некоторые из них простираются подземными своими проходами и до глубины морской» [3, с. 7].

На острове Огурчинском флотилия не обнаружила ни обитателей, ни источников пресной воды, ни растительности, и Войнович принял решение, что остров этот совершенно не приспособлен для основания большой торговой пристани. Несмотря на это, он отметил, что корабли, следующие маршрутом между Астраханью и Астрабадом, попав в шторм, обнаружат более или менее надёжное убежище у юго-восточного берега острова Огурчинского, где были найдены хорошие якорные стоянки. Покинув остров Огурчинский, эскадра взяла курс на юго-восток. 24 июля утром открылся туркменский берег, а вскоре после полудня Астрабадские горы. На следующий день корабли стали на якорь в Астрабадском заливе, и Войнович был уверен в том, что торговую базу необходимо основать именно в этом месте.

Хан Астрабада, Ага-Мохаммед, в то время вёл военные действия со своим соперником, правителем Исфахана, и находился во главе войска в Казвине. Войнович направил к нему своего посланника с письмом, в котором выражалось желание российского правительства и предлагалось начать переговоры об уступлении участка на морском побережье «для построения купеческого города и для заведения всего к тому нужного». В сентябре командующему пришёл ответ: хан выражал своё согласие и, кроме того, заверял, что будет всячески помогать данному предприятию материалами и рабочими, предполагая для себя получить солидные выгоды. Войнович отправил письма хана в столицу вместе с подготовленным им за это время планом Астрабадского залива; ожидая последующих указаний от высшего руководства, флотилия осталась у побережья Астрабада.

В течение осени и начала зимы на берегу были построены несколько зданий: лазарет, баня, пекарня и прочие помещения; для их охраны была организована батарея из нескольких морских орудий. Отношения между русскими моряками и местными жителями, которые продавали командам кораблей свои продукты, были самыми дружественными. Но неожиданно в декабре 1781 г., по тайному распоряжению Ага-Мохаммед-хана один из местных владетелей, пригласив Войновича в своё имение, находившееся в 40 вёрстах от берега, пленил его и выдвинул требование, чтобы русские постройки на берегу были немедленно разрушены, а орудия, имущество и экипаж перевезены на корабли. Это требование пришлось выполнить.

Но вскоре хан вернулся из своего похода и, видимо, серьёзно испугавшись последствий пленения русского командующего, освободил Войновича. Ага-Мохаммед предложил начать переговоры о новой организации русской базы. Но командующий, не доверяя больше хану, уклончиво ответил, что запросит по этому поводу своё высшее руководство. Флотилия продолжала находиться на этом месте вплоть до начала июля 1782 г. За это время было осуществлено подробное описание Астрабадского залива и собраны многочисленные сведения о его водах и побережье: течениях, глубинах, климате, растительном и животном мире, почвах, различных физических явлениях. Эта информация была систематизирована и раскрыта в журнале экспедиции.

8 июля эскадра Войновича направилась к туркменскому побережью. К исходу следующего дня она достигла Серебряного бугра. Через три дня суда достигли островов Дервиш и Челекен и бросили здесь якорь, чтобы начать подробное изучение

Красноводского залива. Экспедиция продолжала исследование острова Челекен, начатое семнадцатью годами раньше Токмачёвым и Ладыженским. Кроме наблюдений за природными явлениями, экспедиция накапливала сведения этнографического и экономического характера. В журнале Войновича мы находим информацию о занятиях, быте, нравах туркменских племён, обитавших на материке и острове Челекен, об их хозяйстве и быте. Мы узнаем, например, о торговле туркменом с русскими «промышленниками», с Хивой, Бухарой и Ираном, об их скотоводческом хозяйстве, рыбных промыслах, добыче нефти и озокерита. Старшины различных туркменских родовых групп приезжали к Войновичу и вели с ним переговоры относительно развития торговли России с Хивой и Бухарой, в которой прикаспийские туркмены издавна были главными посредниками [4, с. 68].

Итак, анализ фактов говорит о том, что российское правительство было крайне заинтересовано в продолжении и расширении исследований морского побережья Каспия, в том числе и в послепетровское время. Это, безусловно, было напрямую связано с персидским фактором, который на протяжении XVIII в. неоднократно заставлял Россию принимать все возможные меры по усилению своего политического влияния в регионе.

Исследовательские экспедиции Каспийского моря русскими учёными и моряками являлись неотъемлемой составляющей программы планомерного отстаивания российских интересов в Прикаспии. Научные и военно-стратегические походы по Каспию, организованные в Астрахани и зачастую состоящие из самих астраханцев, были одним из важных её элементов. Благодаря проведённым исследованиям Соймонова, Токмачёва и Ладыженского Россия получила очень полные и достоверные сведения о характере береговой линии Каспийского моря. Это дало ей возможность эффективно планировать различные военные и политические мероприятия в отношении Персии, главным воплощением которых стал в начале 20-х гг. XVIII в. Персидский поход Петра, а в конце века поход Зубова.

Список литературы

1. Гольденберг Л. А. Ф.И. Соймонов (1692–1780) / Л. А. Гольденберг. – Москва : Наука, 1966. – 264 с.
2. Гончаров В. Г. Ф.И. Соймонов – первый русский гидрограф / В. Г. Гончаров. – Москва : Географиздат, 1954. – 33 с.
3. Исторический журнал бывшей в 1781–1782 гг. на Каспийском море Российской эскадры под командой флота капитана 2-ого ранга графа Войновича. – Москва : Тип. С. Селивановского, 1809. – 122 с.
4. Очерки по истории географии в России XVIII в. – Москва : Наука, 1957. – 295 с.
5. Штейнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия (XVIII–XIX вв.) / Е. Л. Штейнберг. – Москва : Географиздат, 1949. – 75 с.

References

1. Goldenberg L. A. *F.I. Soymonov (1692–1780)*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 264 p.
2. Goncharov V.G. *F.I. Soymonov – pervyy russkiy gidrograf* [F.I. Soymonov - the first Russian hydrograph]. Moscow, Geografizdat Publ., 1954, 33 p.
3. *Istoricheskiy zhurnal byvshey v 1781–1782 gg. na Kaspiyskom more Rossiyskoy eskadry pod komandoy flota kapitana 2-ogo ranga grafa Voynovicha* [Historical journal of the former in 1781–1782. on the Caspian Sea of the Russian squadron under the command of the fleet captain 2nd Rank Count Voinovich]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo Publ., 1809, 122 p.
4. *Ocherki po istorii geografii v Rossii XVIII v.* [Essays on the history of geography in Russia in the XVIII century]. Moscow, Nauka Publ., 1957, 295 p.
5. Shteynberg E. L. *Pervye issledovateli Kaspiya (XVIII–XIX vv.)* [The first explorers of the Caspian (XVIII–XIX centuries)]. Moscow, Geografizdat Publ., 1949, 75 p.